

С. 64-67. Господин Пушкин, Александр Сергеевич, поэт и сотрудник департамента, которого словно бы не существовало на свете вовсе, сидел у стола совершенно неподвижно, временами поглядывая на свечу и в который раз повторяя про себя привязавшуюся банальную сентенцию: темнее всего, как всякий может убедиться, именно под самым пламенем свечи. Поза вполне соответствовала поэтическим раздумьям, но мысли были предельно далеки от поэтических. Он был недоволен собой. Что-то ускользало – некая догадка, так и не оформлявшаяся в четкую мысль. Что-то было подмечено в окружающем, но не понято рассудком – быть может, оттого, что представлялось слишком необычным. В конце концов, он всего лишь второй год жил этой странной, укрытой от посторонних жизнью

...

[черт]– Любезный Александр Сергеевич, вы удручаете меня, право. Променять славу первого пера России на сомнительное ремесло сыщика, преследующего некие смутные образы, в которые большинство людей просвещенного века все равно не верит... Нельзя же так варварски обращаться со своим талантом, который является не только вашим собственным достоянием, но и достоянием общества тоже... Я вам не враг, поверьте, я всего лишь искренне пытаюсь направить вас на верный путь... Великий поэт неизмеримо ценнее для человечества, нежели вульгарный тайный агент, гоняющийся за миражами. Поверьте искреннему другу.

С. 431. Пожалуй, – сказал Пушкин с бледной улыбкой. – Забавно... У меня как-то не нашлось времени рассказать Алоизиусу, что я, собственно, при другом обороте судьбы мог стать и гусаром. Я ведь намеревался после Лицея поступать в гусары, ну да ты помнишь, и в Министерство иностранных дел определился исключительно по настояниям отца. Но это означает, что теперь мне невозбранно позволено дожить до тридцати, не чувствуя неловкости.

С. 487. Лорд Байрон умер три года назад, и похоронен в Греции. Это был великий поэт, я его безмерно почитал и считал учителем.

С. 579-580. Следствие несомненной житейской несерьезности, – елейным голоском ввернул некий статский советник, Пушкина откровенно не любивший. – Перед молодым человеком открывалась блестящая карьера – после Лицея был приписан к Министерству иностранных дел, великолепный почин... Нет, предпочел вертопрашничать и забавляться рифмами... Необходимо строгое вразумление или по крайней мере женитьба на особе, способной решительно.

С. 601. Геккерен... Сам-то он, этот юнец, зовется как-то иначе, в голове вертится... Совершенно варварского звучания имя, напоминающее кличку персонажа комической оперы... Дандас... Дондоз...

– Д'Антез, – сказал Вяземский хмуро.

– Вот именно, Д'Антез... Леонтий Васильевич, продолжайте...

– Дуэль – это убедительнейшее объяснение, с которым мгновенно и без малейшего внутреннего сопротивления согласятся все до единого, а также не усмотрят в том ничего необычного, – сказал Дуббельт. – Дуэли преследуются законом, а значит требуют тайны... У Пушкина была дуэль с заезжим французским хлыщом Д'Антезом, в результате которой Александр Сергеевич получил смертельную колотую рану.

С. 469-471. – Вы, господин Штауэр, в солидных годах, на солидной должности, не из-за рубежей к нам прибыли, а рождены в Российской империи, подданным коей являетесь. А потому не говорите, будто вам не известно смиренное казенное заведение под названием Третье отделение... Есть у нас, уж не посетуйте, дурная привычка законопачивать навечно в Сибирь людишек вроде вас. – Он сделал хорошо рассчитанную паузу, сделавшую бы честь трагическому актеру. – А впрочем, учитывая суть вашего злодеяния, ждет вас не Сибирь, где все же порой солнечно, ландшафты красивы и жизнь сытна... ждет вас, душа моя, Петропавловская крепость и положение безмянного узника наподобие французской Железной Маски...

... Да нет, пожалуй что, злоумышление на высочайшую особу – это даже не Петропавловка, а, свободно может оказаться, расстреляние с барабанным боем... Уяснил, мозгляк? Да как у тебя рука повернулась такие бумаги хапать... Не знал параграфов?

... Глуп – слов нет... – пренебрежительно, в полный голос ... Дозвольте, вызову свистком карету – и повезем голубчика в Петропавловку. Не торчать же с ним ночью черт-те где...

....– Я выразился достаточно ясно, – сказал Пушкин. – Ваше дело – выложить всю правду, а уж мое – оценить сказанное... Не затягивайте, а то этот господин и в самом деле свистнет кучеру, и ничего уже нельзя будет исправить. Дверь перед вами, и вы в нее можете выйти свободным...

– А можно и в Петропавловку, – любезно, как сговорчивый извозчик, предложил Крестовский, зажав трубочку в кулаке чубуком наружу, так что в полумраке вполне могла сойти и за свисток. – Не тяните kota за хвост, сударь, терпение наше на исходе...

С. 64-67. – До чего странно все получается, – сказал Ключарев с преувеличенной развязностью, усаживаясь напротив. – Кто бы мог подумать, что знаменитейший наш пиит, солнце российской словесности, в то же время еще – и офицер Третьего отделения.....

С. 455. – Увы, – сказал Пушкин. – Превосходно представляю, и все внутри меня вопит от презрения к себе... Но я сейчас не дворянин, не благородный человек – я чиновник, озабоченный скорейшим отысканием истины. То, с чем я к вам пришел, невероятно важно для меня... и не только для меня. Поэтому я пойду на все, как бы подло это ни выглядело, как бы мерзко ни смотрелось... Обдумайте все, мирза, человеку с вашим острым умом много времени не понадобится. Я же не прошу у вас выдавать ваши секреты – мне нужен совет и объяснение... Так как же? Или послать за жандармами?

С. 482-483. – Выбирайте выражения! Собственно, по какому праву...

И вновь ясно было, что долгие словесные игры не приведут к успеху: обстановка не благоприятствовала...

Пушкин сказал:

– Так уж сложилось, что мы с моим спутником принадлежим к... – чтобы не обременять себя поисками соответствующих слов, он взял из французского первое, что пришло на ум, – к тайной полиции Российской империи. У нас, знаете ли, и дворянам на этом поприще порой трудиться не зазорно...